

ИЗЪ ЗАХОЛУСТЯ.

Настроение деревни.

— „Пресвятой Богородицѣ! Запиши война Василя!“...

— „Спасителю! Война Петра!“

— „Николаю угоднику!... Помянуть о здоровіи Ивана: увезенъ на позицію“!... съ акаѣстомъ!...

Каждый праздникъ послѣ литургіи слышишь эти возгласы. Народъ,—преимущественно женщины,—толпятся у клироса, гдѣ діако́нъ записываетъ молебны. Записываетъ минутъ 15 и болѣе; едва успѣваетъ уловить слухомъ, кому молебенъ и кого поминать о здоровіи. Но вотъ толпа у клироса мало-по-малу расходится по всему храму: кто ставить, кто покупаетъ свѣчу, кто раздаетъ милостыню по убитомъ на войнѣ сынѣ, братѣ или мужѣ. Начинается молебенъ. Всѣ, какъ одинъ человекъ, падаютъ на колѣни, какъ только услышатъ запѣвы: „Многомилостиве Господи, услыши рабъ твоихъ молящихся Тебѣ“... или „Пресвятая Богородице, спаси насъ“. То тутъ, то тамъ слышатся всхлипыванья матери; на весь храмъ раздаются вздохи молодой жены, стоящей передъ Господомъ съ малыми дѣтьми и просящей здоровья мужу своему—воину, чтобы сохранила его Владычица невредимымъ на жестокой войнѣ. Вонъ, въ углу, отецъ закрылъ ротъ рукой и кашлемъ хочетъ скрыть свои старческія слезы по сынѣ, злой судьбой оторванномъ отъ родной семьи. Гдѣ онъ? Слышитъ ли онъ эти вздохи? Видитъ ли эти слезы? Или ужъ лежитъ гдѣ-нибудь съ прострѣленной грудью, съ оторванной рукой или ногой и ничего кругомъ себя не чувствуетъ...

И несутся по всей Руси эти всхлипыванья матерей, вздохи женъ и дѣтей и старческіе стоны отцовъ, несутся въ высь къ престолу Господа, Царя неба и земли. И некуда больше прибѣгнуть всѣмъ, кого задѣло военной волной. Нѣтъ другой помощи, нѣтъ другой надежды, какъ только Господь и Его Пречистая Матерь. И наполняются храмы Божіи этими страдальцами, всѣми этими сѣрыми гражданами великой Россіи, отдавшими отечеству все, что было у нихъ самага дорогого—дѣтей, братьевъ, мужей... Всѣ другіе интересы какъ будто отошли на это время. Всѣ думаютъ и разговариваютъ только о войнѣ, какъ-бы Господь помогъ одолѣть врага. Читаютъ письма съ войны, письма рѣдко скорбныя, все больше приносящія бодрость;—„Слава Богу, живъ еще“... и опять возносятся къ престолу Господню молитвы, но уже со слезами не скорби, а благодарной радости и надежды, что и въ будущемъ Господь спасетъ и помилуетъ война отъ смерти и раны смертельной. Деревня не такую стала, какъ была до войны. Не слышно ужъ этой дикой

разухабистой пѣсни; рѣдко только пройдетъ по улицѣ съ плачущей гармошкой подростокъ. Недолго и ему гулять дома: скоро и его увезутъ, какъ увезли товарищей его старшихъ. Одѣнуть въ одежду защитнаго цвѣта, ружье дадутъ и будутъ учить немудрой, но тяжелой солдатской наукѣ. А тамъ и къ войнѣ повезутъ. Проводятъ родители, поплачутъ надъ сыномъ и съ глазами, поникшиму долу, домой возвратятся. И ждать они будутъ, что сынъ ихъ любимый послужитъ отчизнѣ по совѣсти, правдѣ; героемъ онъ ляжетъ за вѣру святую, или съ побѣдой къ нимъ возвратится. Не ропщутъ на Бога, а терпятъ, и вѣрятъ въ молитву святую; всю скорбь, всѣ печали о сынѣ любимомъ снесутъ и оставятъ у Господа въ храмѣ. А если случится,—получатъ извѣстье о гибели сына отъ вражеской пули, и тутъ прибѣгаютъ съ молитвой ко Господу Славы.

Вотъ дѣти-малютки не могутъ дождаться, когда ихъ родитель вернется домой, и думаютъ: „Долго какъ держать тамъ въ городѣ тятю. Какая война? Что давно мы не видимъ ласки отцовской, его самого не дождемся“... А мать говоритъ имъ, что скоро жестокаго „нѣмца“ Царь-Батюшка свалитъ; отпустить отца ихъ домой къ своимъ дѣткамъ, что горя ужъ больше не будетъ, что сыты одѣты, въ покоѣ, въ теплѣ будутъ жить его дѣтки. Теперь же на Бога велитъ уповать имъ, молиться о томъ, чтобъ скорѣе война миновала, чтобъ воинство наше скорѣй побѣдило полчища враговъ.

Все населеніе деревни отъ малаго до великаго живетъ надеждой, что война кончится побѣдой. Слышатся даже такія рѣчи: „Мы пойдемъ, а не дадимъ нѣмцу властвовать надъ нами“. Это говоритъ старый солдатъ, ходившій къ Плевнѣ и Шипкѣ и помнящій В. Кн. Николая Николаевича еще юнымъ офицеромъ, подъ командою отца его Николая Николаевича Старшаго.

Бодрость не оставляетъ еще деревню. Только замѣтно, что вездѣ работаютъ женщины, а мужчинъ мало. Переносить деревня дороговизну на всѣ предметы потребленія, и мирится съ этимъ, какъ привыкла она мириться со всѣми вѣковѣчными невзгодами сѣренской жизни.

Крѣпка наша деревня вѣрой православной, и, пока есть въ русскомъ народѣ эта вѣра, никакой врагъ намъ не страшенъ!

Священникъ *Іоаннъ Рѣдъкинъ*.